

26.7.79

«ГЛАВНОЕ В ИСКУССТВЕ — ЧЕЛОВЕК...»

КРАСНОЕ
ОБЪЯВЛЕНИЕ
26 ИЮНЬ 1979

ПРОФЕССИЯ актера — тема беседы журналистки Ольги Полозковой с народным артистом СССР, лауреатом Ленинской премии Иннокентием СМОКТУНОВСКИМ.

— Для исследователей театра по-прежнему остается загадкой творческий процесс актера. Что Вы, Иннокентий Михайлович, думаете по этому поводу?

— Я уверен, что это такая же загадка и для самих актеров. Ведь для каждого художника процесс создания образа очень индивидуален и для каждой новой роли — различен. Казалось бы, предыдущие работы дают возможность накопить богатый опыт, и почему бы не использовать уже отработанные ритмы, приемы, выражения в последующих творениях? Но даже если вы и попытаетесь пойти по проторенному пути, то обязательно уткнетесь в стену неприятия вас образом.

Вообще, как нет и не было двух одинаковых людей на Земле, так и нет для нас, актеров, двух одинаковых способов познания образов и воплощения их на сцене.

Актерский процесс работы над спектаклем — синтез удивительного количества желаний. Я, исполнитель, в данной роли хочу одного. У режиссера созрело несколько иное решение. Художник, драматург, композитор требуют, чтобы считались и с их желаниями. И еще более необходимо и важно учитывать «желание» времени и зрителей, на суд которых ты выносишь свое творение. Часто приходится слышать: «Что же такое современное искусство?» Думаю, то, которое отвечает вкусу, чувствам и мышлению современника, сидящего в зрительном зале. А для актера оно становится синонимом высокого мастерства.

Творческий процесс зависит от многих причин, и порой какой-то один миг может все изменить, подвергнуть сомнению то, что казалось уже правильно найденным решением роли.

Микеланджело всегда очень скрупулезно отбирал огромные глыбы гранита для своей работы. Он ждал определенного света, иногда приходил для этого рано утром и начинал выстукивать глыбы, видя в них нечто, открытое только ему. Никто из подмастерьев не мог понять этого процесса зарождения новой скульптуры. Они смеялись, когда мастер просил повернуть глыбу то одной, то другой стороной к солнцу. Что он видел через толщу камня? Какие куски он позже хотел изъять, чтобы получилось произведение искусства? И все это творческий процесс. Все очень сложно. Предельно сложно...

— Как Вы считаете, заканчивается ли творческий процесс работы актера над образом к премьере спектакля? Может ли он с уверенностью сказать, что нашел полное и окончательное решение роли?

— С полной уверенностью могу сказать, что творческий процесс не заканчивается ни на десятом, ни на пятнадцатом спектакле. Я думаю, что он продлжается на каждом новом представлении, и так до конца, пока в репертуаре театра сохраняется это произведение.

У Станиславского и Немировича-Данченко есть выражение, что роль у актера может получиться только на двадцатом спектакле. Двадцатом! И я не понимаю людей, рвущихся на премьеры. Сам я на премьеры не хожу, так как знаю, что актеры пока еще не готовы, они волнуются, что в спектакле ничего пока нет, кроме оголтелого, неуправляемого нерва... Не случайно англичане, поставив спектакль, едут на периферию его «про-

катывать». Они играют на маленьких сценах в незнакомых городах.

— Вы работали с разными режиссерами и даже целыми коллективами. Как сказывается на творчестве актера переход из одного театра в другой?

— Я считаю, что мой переход, предположим, из Малого театра в Московский Художественный, а значит, встреча в работе и в жизни с новыми людьми, общение с другими творческими и человеческими индивидуальностями только обогатили меня. При продолжительной работе в одной труппе артист начинает срабатываться с коллективом, привыкает к своим коллегам по профессии. Но это имеет и отрицательные стороны: актер начинает использовать лишь одни грани своей индивидуальности, не эксплуатирует весь свой материал полностью.

— Чем, по-вашему, отличается творческий процесс в театре от кино?

— Для меня театр и кинематограф — одно и то же искусство. Разница заключается, на мой взгляд, только в средстве доставки материала. Кинематограф, без сомнения, обладает более богатыми и разнообразными возможностями. Но нет более условного искусства, чем театр: на сцене одной веточкой можно изобразить лес, и все верят, что это правда. В кино такая условность невозможна.

— Какой вид искусства Вы считаете самым «всемогущим»?

— Музыка — та самая «бестия», которая открывает в человеческих чувствах то, что не доступно никакому другому виду искусства.

Музыку часто используют в современном театре, и, действительно, она помогает достучаться к сердцу зрителя там, где не пробьешься словом. Но используя музыку, надо всегда помнить, что она — сильно действующее средство.

Подчас именно музыка может вывести нас из тупика в работе над ролью. У меня было так однажды. Когда я репетировал роль Чацкого в комедии Грибоедова «Горе от ума» — это было в Ленинграде в Большом драматическом театре имени Горького, — я никак не мог найти верную интонацию главного монолога моего героя. И вот однажды, слушая песню в исполнении Эдит Пиаф, ее повторяющийся рефрен, я почувствовал, что эта песня мне очень знакома, но где я ее слышал, не мог вспомнить. И вдруг понял, что эта мелодия была звучащими стихами Грибоедова — она диктовала мне ритм и мелодику его стихов. Я стал читать неполучившийся и измучивший уже меня монолог, и все сразу стало на свое место.

— Какое качество для актера Вы считаете главным?

— Гражданственность в самом высоком смысле этого прекрасного, мужественного понятия, жестокая селекция выразительных средств, соотношение детали с целым и целого с деталью, вкус и такт, продиктованные временем, пониманием жизни — вот те главные качества, которые помогают нам, исполнителям, привлечь внимание зрителей. И еще. Идеальная взаимосвязь с аудиторией современников возможна лишь при наличии современного драматического материала. Главное, чтобы в искусстве был Человек. И чтобы ничто не мешало нам взглянуть ему в глаза...

(АГН).